

18+

Александр Валентинович

Маркин

Комар
философии

Поэтический сборник

Александр Маркин

**Комар философии.
Поэтический сборник**

«Издательские решения»

Маркин А. В.

Комар философии. Поэтический сборник / А. В. Маркин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-562322-5

О жизни, судьбе, философии, мистике. И всерьёз, и не очень. Поэтические произведения, созданные автором в период с 2013 по 2022 годы.

ISBN 978-5-00-562322-5

© Маркин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Комар философии	6
Жизнь в себе	7
Ума метаморфозы	8
Ледяное кружево	9
Пирамиды	10
После цезаря	11
Амалфея	12
Кнут	13
Роковые люди	14
Ах, если б	15
Немой укор	16
Ненужный опыт	17
Серьёзные люди	18
Всё течёт	19
Будет	20
Золотые яйца	21
Ночь и день	22
Свет	23
Memento mori	24
Врата	25
Примета времени	26
Это сладкое слово	27
Не всё то золото	28
В изголовье	29
Верьте	30
Без дна и крыши	31
Секрет	32
Философ и муха лёгкого поведения	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Комар философии Поэтический сборник

Александр Валентинович Маркин

© Александр Валентинович Маркин, 2022

ISBN 978-5-0056-2322-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Комар философии

Комариный писк философии,
тонким зуммером в праздном уме,
бледный призрак хронической осени,
по сезону витает во тьме.

Напряглись суматошные хроники,
ждали долго и час их настал,
голосочками потусторонними,
философский комар запищал.

Серебрятся седины лунатиков,
белым светом сияют глаза,
в черепах кукушат-харизматиков,
философская зреет гроза.

С пьедесталов низвергнутся идолы,
космогонии канут в ничто,
философские косточки киданы,
кем-то тёмным в бардовом манто.

Жизнь в себе

О вещи в себе нам поведал философ,
снабдив нашу жизнь извечным вопросом.
И нет нам покоя ни днём, и ни ночью,
мы точку всё ищем среди многоточий.

Та жизнь, что в себе – проявляется нами,
как вишни весной розовеют цветами,
как сельский простор колосится пшеницей,
как в небе парит горделивая птица.

Себе на уме – забавляется нами,
как лёгким пером в своём оригами,
как цифрой в руке, раскрутившей рулетку,
диковинной штучкой, мечтающей клеткой.

Такая в себе – вся в капризах вещица,
невинна, чиста и всегда молодлица,
сбросит тебя, как отжившую шкуру,
и шашни разводит с новым амуром.

Ума метаморфозы

Впадая в умственный экстаз,
философ танцевал для нас.
Он истину искал в бутоне розы,
а нам явил во всей красе,
великие ума метаморфозы,
от логоса до всем известной позы.

И с той поры нам ведомо поныне —
– гори огнём и вечно не остынешь,
ходи умом в одну и ту же реку,
чем славились индусы,
а вслед за ними греки,
как, впрочем, и иные мира человеки.

И обнаружим мы, одни и те же воды,
в них обретают веру мудрые народы,
а пустота не терпит суеты,
в ней навсегда исчезнем я и ты,
и лучше, в ауре баньяна,
не беспокойте духов медного кальяна.

Ледяное кружево

Не взыщите, Шри Ауробиндо,
мы прильёмся к северной звезде,
пусть умами властвует говинда,
закалённый в ледяной воде.

На краю той самой Ойкумены,
что романтик живо описал,
верх берут языческие гены,
сколько ни пленяй их Тадж Махал.

Звёздных истин серебристый иней,
не растопит гений ста голов,
ледяною каплею застынет,
пар горячий вриндаванских снов.

Пусть накроют тундру кружевами,
древние пророчества веданты,
но ударит в бубен здешний свами,
снежные с небес сойдут атланты.

В ореоле северных сияний,
ледяною обернётся санкхья,
в белоснежном шёлке одеяний,
хокку ей к лицу и даже танка.

Пирамиды

Остроугольный демон пирамид,
безмолвствующий в росписях по склонам,
здесь неприемлем культ кариатид,
и не ваяют в гипсе аполлонов.

Здесь вековая стынет тишина,
блуждают в катакомбах чьи-то тени,
под пирамидами фантомная страна,
небытие преодолевший гений.

Влечёт неудержимо древний склеп,
загробной мистикой таинственного плана,
как будто меткой обозначил Имхотеп,
входную дверь космического клана.

После цезаря

За цезарями – сплошь цезарионы,
то конь в сенате, то сожжённый храм,
восходят те, чьё имя – легионы,
пародия кривая, безнадёжный хлам.

Бездарные дела, убогие причуды,
поруганная вера в муках на крестах,
лукавые паяцы-словоблуды,
с лакейскими речами на устах.

Аристократия, бесчинствующий плебс,
растерзанная Римом Дорофея,
греми, спасённый нежною богиней Зевс!
на троне олимпийском бронзовея.

Амалфея

Безумный Кронос – жезл наперевес,
в опасных играх с олимпийцем Рея,
в плетёной люльке – несмышлёныш Зевс,
а рядом млечная богиня Амалфея.

Триумф интриг, враждующие боги,
начало женское, спасающее жизнь,
ретивые кентавры, нимфы – недотроги,
ядом страстей отравленная мысль.

Земная суета, как вотчина олимпа,
безумие пророчеств, лирика святынь,
тугой клубок кровавых лабиринтов,
ристалище умов, обряженных в латынь.

Кнут

Труд – капитал, об этом знают люди,
источник наших повседневных благ,
трудись и цветь под солнцем будешь,
румяным цветом, как июньский мак.

Но есть империя на дальнем побережье,
глобальный мытарь, ненасытный спрут,
не признает она расцвета зарубежья,
плетёт для непокорных изошрённый кнут.

Там всё не так, там всё совсем иначе,
там тонны плавятся финансовой руды,
там заклинатель чисел Фибоначчи,
выводит злую формулу беды.

Там индексы, как шнур бикфордов тлеют,
там фьючерсы грифоны стерегут,
как только гульден нефтяной добреет,
так в ливиях свистит известный кнут.

Роковые люди

О, сколько гениев магического ритма,
искавших транс в рифмованных словах,
сгубила грязь завистливой богемы,
под лживость причитаний «ох» и «ах».

Среди загубленных без времени поэтов,
плеяды миру полюбившихся имён,
постмодернисты, акмеисты и эстеты,
харизмой ни один не обделен.

Как будто на божественном Олимпе,
в цене негласная циничная игра,
за право изуверски затравить поэта,
росой вселенской льющего слова.

Какая-то шальная свистопляска,
сил злых, коварных, подлых и слепых,
как рок для тех, кто музою обласкан,
хоть призывай на помощь всех святых.

Ах, если б

Когда б родился я гурманом и эстетом,
среди вольнодумцев королевского двора,
я снова предпочёл бы быть поэтом,
и подавать к столу пикантные слова.

А если б я родился Че Геварой,
с гвоздикой красной, пламенной в душе,
я революции священные пожары,
воспел бы в героическом ключе.

А коли довелось бы возродиться,
на землях фараонов и царей,
я был бы колосом налившейся пшеницы,
египетских ухоженных полей.

Но, что за старец в облаке из света,
отшельник странный, схимник и монах,
в эпохе философского расцвета,
замечен на зелёных островах?

Немой укор

Что ты маячишь предо мной немым укором,
осколок совести истерзанной моей?
Путь мне оставшийся совсем уже недолог,
и он похож на высохший ручей.

И что ты хочешь? юношеской прыти?
стильной походки? распорядка дней?
С утра зарядка, ароматный кофе,
газета свежая со сводкой новостей?

Ну нет, подружка, мне теперь милее,
увидеть в небе стаю журавлей,
когда они как легионы клином,
пространство рассекают меж лучей.

Я с жадностью, достойной удивленья,
ловлю залиvistые трели соловья,
и вспоминаю роскошь вдохновений,
и сомневаюсь, был ли это я?

Теперь, когда все сроки на исходе,
всё стало ясно как в погожий день,
стихия солнца навсегда, увы, уходит,
пора познать раскрывшуюся тень.

Ненужный опыт

Когда б сбылись неисчислимыя пророчества,
и белый свет бесследно поглотила мгла,
я бы хотел быть в памяти отрочества,
чтобы душа невинною ушла.

Пусть бы она в другом каком-то свете,
не помнила ни горя, ни обид,
чтоб мир её был радостен и светел,
как нам об этом сердце говорит.

Я не хочу таскать с собой обузу,
из психологии несбывшихся надежд,
переживаний, стрессов и конфузов,
накопленных в борьбе против невежд.

Я не хочу ни капли памяти о водах,
в которые входил и раз, и два,
не ведая закона знания и брода,
но ощущая – жизнь течет хоть не вода.

Серьёзные люди

Ничто не постоянно в этом мире,
непреходящи только дураки,
то озаботятся снегами на Памире,
а то надумают курировать стихи.

Им все занятия – надёжно и всерьёз,
натужно, с чувством, с расстановкой,
весёлый ум – такой для них курьёз,
что угрожает мысли остановкой.

Они планируют весь мир от «а» до «я»,
за каждый пунктик ратуют дотошно,
где творческая вьётся колея,
там дураку и муторно, и тошно.

Всё течёт

Всё течёт, но, странно, не меняется,
как философа труды ни изучай,
и к дорогам то же прилагается,
что писатель брякнул невзначай.

Крыша как текла, так и не думает,
с мест, насиженных в сторонку отползти,
предлагает течь признать заслуженной,
в книгу Гиннеса как чудо занести.

Как войдёшь в потоки словоблудия,
так философ вспомнится опять,
в них и лбом стучат, и напирают грудью,
чтобы течь на пьедестал поднять.

Те же всё дома, всё те же улицы,
тишь да гладь, да божья благодать,
и с афиши недопонятый Кустурица,
предлагает вновь себя понять.

Так текут неспешной жизни годы,
стоит ли с начала начинать,
когда видишь снова те же воды,
повернувшие зачем-то вспять.

Будет

Я знаю, сбудутся пророчества,
грядёт судьбы жестокий век,
но всё же верить очень хочется,
что будет счастлив человек.

Что в городах не будет смога,
уйдет болезней злобный мор,
и подобреет мир под Богом,
когда поймёт, что – перебор.

Когда увидев – жизнь бесценна,
на свалку выбросит бразды,
и непременно возжелает,
по правде жить и без узды.

Нам покорится дальний космос,
и примет радостно звезда,
на Марс мы будем ездить в гости,
на марсианских поездах.

Золотые яйца

Вот как бы ухватить судьбу за хвост,
и взгромоздиться к ней уверенно на шею,
и погонять до самых синих грёз,
имея птицу счастья курицей своею.

Яичко золотое пусть несёт,
с ним жизнь закрутится бодрее,
– пусти несушку в доходный оборот,
и поезжай искать гиперборею.

Ночь и день

Уходим в ночь, как будто в тень,
чтоб утром заново родиться,
и окунуться в новый день,
услышать, как щебечут птицы.

Увидеть, как встаёт заря,
как Солнце движется с Востока,
и ощутить – ты здесь не зря,
частица малая вселенского потока.

Свет

Холодный свет чужой планеты,
к зрачку нащупывает путь,
я снова думаю об этом,
ведь по-другому не уснуть.

Я думаю о бледном свете,
как о разумном существе,
спрошу его, и он ответит,
и мы утонем в волшебстве.

Продемонстрируем картинки,
всех наших будней и забав,
я расскажу ему как льдинки,
весной растают на домах.

Как раскрываются бутоны,
в луче их греющей звезды,
как солнечные блики в кронах,
невинно дразнят с высоты.

Спрошу я шаловливый свет,
о том, что есть и чего нет,
и попрошу ответить мне,
внутри ли он, а, может, вне.

Его ответы станут тайной,
моих красивых светлых снов,
в которых я и свет летаем,
не ведая земных оков.

Memento mori

Забить ты можешь обо всём,
но только не о том,
что любят смаковать поэты,
трагически цепляющим стихом.

Что слава? – брюхо, скука, проза,
её удел – потешить спесь да лень,
но есть в раздумьях вечная заноза,
сдвиг полушарий, тлеющая тень.

У этой темы красота иная,
такая, что за деньги не купить,
и пусть коса старушкина простая,
её поэт предпочитает чтить.

Высоким слогом, безупречной рифмой,
всю страсть, вливая в скорбные слова,
чтобы старушке сердобольной с бритвой,
понравилась поэта голова.

Врата

Когда становится собой седое небо,
спускаясь откровением с вершин,
твой ум становится таким, каким он не был,
ни до, ни после всех иных причин.

В учёной книжице, забытой на скамейке,
загадок уйма – всех не перечесть,
но кинув взор на дуб, на кустик маросейки,
ты вдруг поймёшь, что все разгадки здесь.

Глазам неспешно приоткроется в природе,
загадочная сила творящей красоты,
её исконная начальность и несложность,
её пропорция вселенской простоты.

У каждого по жизни свой просёлок,
и дуб, и дом, забор да косогор,
кому милей грустинка, а кому весёлость,
кому кузнечный молот, а кому топор.

Но если есть врата, скрывающие нечто,
на петлях, смастерённых ведуном,
мы их найдём и приоткроем вечность,
ведомые слепым поводырём.

Примета времени

Презрение, кураж, гордыня,
острога в тычущем персте,
забеги из огня в полымя,
душа живая на кресте.

Ни во грехе, ни в покаянии,
ни в тартары, ни в царства дверь,
в глухом болезненном сознании,
безнравственный угрюмый зверь.

То разыграется, то клинит,
то перемкнёт дугу ветвей,
ботокс да целлюлит в бикини,
тупая жадность без затей.

Трусливый гегемон позорности,
сосущий лапу злую всласть,
воинствующий рой убогости,
то ли диверсия, то ли напасть.

Это сладкое слово

Делом займись, толковым,
не беспокой небеса,
вначале твоём – не слово,
а страсти живая роса.

А то, чему слово начало,
вскоре начнётся вновь,
прибудет от дальних причалов,
и впрыснется прямо в кровь.

Накроет крошечным вордом,
сладкую нашу жизнь,
упрячет её в кроссворды,
и завернёт в афоризм.

Свободны, как птица в клетке,
клевать коноплю да петь,
и вниз головой на ветке,
в пространстве словесном висеть.

Не всё то золото

Валяем дурака – самозабвенно,
скрипим ли в ночь или трусцой с утра,
и в хлам, и в дрыбаган попеременно,
но всё же мы ревнители добра.

Но не того добра, которое в баулах,
а белокрылого антагониста зла,
когда все держиморды в караулах,
по-детски хлюпают из колыбели сна.

Того добра, которое как Солнце,
взойдёт, засветит и позолотит,
когда роса, как жемчуга на донце,
а мир как гимн – торжественно звучит.

В изголовье

Скажу в ритмическом ударе,
о пребывании в миру,
я на земном родился шаре,
в его объятиях умру.

Из красок осени гербарий,
я в слово ласково вложу,
как самокрутку закатаю,
и в изголовье положу.

И слово это прочитают,
во всех сиятельных мирах,
и обо мне чуть-чуть узнают,
и впишут в звёздный альманах.

Верьте

Не печалюсь, не унываю,
в своей голове обитаю,
здесь такие крутые примочки,
буквы, фразочки и заморочки.

А ещё тут такие дела —
в полумраке блуждают тела,
декламируют и воздыхают,
о добре и о зле вопрошают.

Верьте мне, симпатичные люди,
с верой этой добра не убудет,
да и зла от неё не прибудет,
может только хандра позабудет.

Без дна и крыши

«Без крыши» – о! известный зверь!
он в нас сидит – ты уж поверь,
как только палубу снесёт,
зверёк наружу так и прёт.

Но к выражению – «без дна»,
приходит мысль всего одна,
как только бездну ты постиг,
стучатся снизу в тот же миг.

Секрет

В искусстве быть звездой,
есть множество секретов,
и первый среди них —
открой в душе поэта.

Как облако пари,
и с высоты полёта,
на мир земной смотри,
как на смешное что-то.

Не нужно много слов,
и рифм крутых не надо,
кружи осенний вальс,
под шорох листопада.

Философ и муха лёгкого поведения

На темечко философу присела цокотуха.
Отвесив реверансы мило, почистила крыла.
Потанцевав на маковке от уха и до уха,
искала что-то, и, кажется, нашла.

Не денежку, но кое-что покруче —
брожение ума под черепом могучим.
Томление идей в глубинах котлована,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.